

Когда-то Сы Нань тренировался вместе с однокурсниками, и физические столкновения случались часто. Но никогда он не чувствовал себя таким... беззащитным.

Тан Сюань был слишком высоким, с сильной аурой. Обнявшись с ним, Сы Нань чувствовал себя как маленький, хрупкий зверек, полностью окутанный его телом.

Объятие длилось недолго. Тан Сюань сказал свою фразу и встал. Но даже когда он исчез из виду, уши Сы Наня оставались красными.

Проиграл. Действительно проиграл. Этот мужчина...

Если бы не его внешняя прямота и наивность, Сы Нань бы заподозрил, что тот нарочно его соблазняет.

Сы Нань ворочался, не в силах уснуть, и, наконец, поднялся, начав суетиться по дому и во дворе. Он был взволнован и раздражен, ему нужно было выпустить энергию!

Императорская гвардия собиралась напасть на Уюдун, и Хуайшу там, возможно, будет в опасности. Если бы ситуация не была столь серьезной, Тан Сюань не стал бы специально предупреждать его. Поэтому завтра он не сможет позволить детям вернуться в Уюдун.

Посреди ночи Сы Нань начал перестраивать дом, надеясь встретить детей в обновленном виде.

На следующий день дети, как обычно, пришли в переулок Чатанг и сразу почувствовали, что что-то изменилось.

Появился новый бамбуковый домик.

Кровать тоже стала больше.

Вещи учителя-брата переместились в комнату Эр-лана...

Дети шептались о своих находках, их голоса были тихими и робкими.

Сы Нань, улыбаясь, указал на бамбуковый домик:

— Отныне это будет ванная, больше не нужно будет прятаться за занавеской; кровать в восточной комнате удлинена деревянными досками, поживете так пару дней, а потом я приглашу мастера, чтобы он построил большую кровать.

Хуайшу начал догадываться о его намерениях, но не смел поверить:

— Учитель-брат... почему вы говорите нам это?

Сы Нань улыбнулся:

— Ты уже догадался, верно?

Выражение лица Хуайшу стало очень сложным: удивление, радость и неверие.

Сы Нань похлопал его по плечу и сказал:

— В последнее время в Уюдуне будет небезопасно, не возвращайтесь туда, поживете здесь несколько дней.

Дети поняли, что он сказал, и застыли на месте, глядя на него с удивлением, как будто спрашивая:

Это не сон?

С их слухом все в порядке?

Учитель-брат действительно сказал, что они могут остаться?

Малыши смотрели друг на друга, не веря своим ушам.

Сы Нань чувствовал горечь в душе. С самого начала он думал о том, чтобы привезти детей к себе домой, но никогда не говорил об этом. Во-первых, он боялся, что это импульсивное решение, и он не сможет нести ответственность на долгое время. Во-вторых, Уюдун не хотел отпускать детей.

Теперь, когда Тан Сюань дал добро, у Сы Наня не было никаких препятствий.

Но это могло быть только временно.

Сы Нань честно сказал:

— Брат — холостяк, и не может всегда заботиться о вас. Когда все уладится, я найду вам хорошее место.

Дети энергично качали головами, не зная, как выразить свои мысли. Учитель-брат готов принять их, позволить им жить здесь, пусть даже на один день — это уже счастье.

С тех пор, как они могли себя помнить, эти дети никогда не спали на настоящей кровати, у них не было чистых одеял и собственных подушек.

Все это Сы Нань подготовил для них.

— С рисунком листьев — для Хуайшу, твое одеяло длинное; с двумя бобами — для Эр Доу, да, и подушка тоже твоя; маленький Цзай и Дун Цзао, вы пока будете делить одно одеяло, хорошо? Ваш брат тоже беден!

— Маленький Му Тоу, маленький Цзяцзы, маленький Маньтоу, найдите свои. А вот и подушка для маленького Гоуцзы, посмотри, что на ней нарисовано?

Дети в изумлении смотрели на аккуратно сложенные голубые хлопковые одеяла и квадратные фарфоровые подушки* на кровати, не решаясь подойти и прикоснуться к ним.

Они привыкли жить в канализации, спать рядом с мусором, терпеть пинки и плевки от прохожих хулиганов. Им и в голову не могло прийти, что они могут иметь вещи с их именами, такое не грезилося им даже в самых смелых мечтах.

Дети широко раскрыли глаза и не решались подойти, боясь, что все исчезнет, если они прикоснутся.

(ПП: в Древнем Китае подушки были твердые, керамические, фарфоровые или нефритовые)

Кроме одеял была еще и одежда. Времени было мало, чтобы сшить новую, поэтому Сы Нань нашел одежду у Эр-лана и у себя, выбрав из них те, которые не носили, и отдал детям.

Все еще ошеломленные, дети перевели взгляд с одеял на одежду.

Сы Нань похлопал Хуайшу по плечу:

— Примерь, если не подойдет, попросим соседку подправить.

Хуайшу так и покачнулся от его хлопка — хотя силы там не было, он был слишком потрясен.

— Нет, нельзя надевать... — Хуайшу говорил сбивчиво. — Сначала надо помыться, вымыться начисто... Идите, все идите.

Дети поспешно последовали за ним.

Сы Нань почувствовал горечь в сердце. Он должен был заботиться о них лучше, еще лучше.

Каждый ребенок этого заслуживает.

Ванная была сооружена Сы Нанем за одну ночь. Он выбрал самое солнечное место под восточной стеной, используя широкие бамбуковые доски высотой более двух метров, чтобы соорудить небольшую перегородку.

Пол был приподнят желтой глиной, сверху уложены галька, стены покрыты маслом тунгового дерева для защиты от влаги и насекомых, с одной стороны был вырыт канал для слива воды.

Самым передовым элементом был выход для воды. Сы Нань отпилил кусок толстого бамбука, проделал в нем мелкие отверстия, сделав простой душ. Бак для воды стоял на стене, к нему была присоединена длинная бамбуковая труба, а в месте соединения с душем был установлен тройной кран. Поверни по часовой стрелке — вода течет, поверни против — вода перекрыта.

Так называемый «водяной бак» на самом деле был большим деревянным тазом, заполненным водой и покрытым черной тканью. За полдня на солнце вода становилась теплой. Таз был настолько велик, что в нем могла вымыться целая семья. Когда Сы Наня в детстве впервые отправили в деревню, он не хотел мыться в большом тазу, требуя солнечный водонагреватель, и дед сделал ему такой же душ. В то время он ревел от неприязни, не подозревая, что через десяток лет будет использовать тот же метод, чтобы позаботиться о группе детей, вызывающих у него нежность. Эти малыши оказались гораздо сообразительнее его в детстве. Их глаза блестели от восхищения, когда они смотрели на все в ванной.

Сы Нань продемонстрировал, как пользоваться душем несколько раз, но дети все равно не решались тронуть кран. Они все поняли, но боялись, что могут сломать такую хорошую вещь. В конце концов, Сы Нань сам включил душ, и только тогда дети поспешно сняли одежду и встали под струи воды.

Теплая вода касалась худеньких плеч, разбрызгивая капли, и дети поспешно протягивали руки, чтобы поймать их, словно это было нечто драгоценное, что нельзя было растратить.

Сы Нань почувствовал, как у него на глаза наворачиваются слезы, и тихо закрыл маленькую бамбуковую дверь, оставив это маленькое пространство для них.

Снаружи ждал Хуайшу. Он всегда считал себя взрослым и уступал младшим братьям.

Дети в ванной тихо переговаривались, осторожно выражая свое возбуждение, а Хуайшу оставался серьезным.

— Мы не можем остаться, — сжав кулаки, он с трудом заговорил.

Сы Нань поднял бровь:

— Так долго думал и придумал только это?

— Учитель, я понимаю, почему вы решили приютить нас, но... нельзя, мы не можем втягивать вас в это, — Хуайшу покачал головой и понизил голос. — Хуа Гуй не из тех, кто прощает. Он намного жестче, чем Бай Е.

Услышав эти слова, Сы Нань почувствовал тепло на душе. Он знал, что Хуайшу принял это решение после серьезных размышлений. И это решение было принято ради него.

Остаться или вернуться в Уюдун — для этих детей это была разница между раем и адом, и Хуайшу выбрал ад.

Он не захотел остаться даже на пару дней.

Он не допускал ни малейшей надежды.

Только потому, что не хотел втягивать его в это.

— Вы учите нас боевым искусствам, даете возможность работать, чтобы заработать на еду, этого уже достаточно. Мы — те, от кого отказалось небо, вы уже нарушили правила, чтобы помочь нам, мы не можем просить большего...

Хуайшу говорил одно за другим, словно убеждая не столько Сы Наня, сколько самого себя.

— Какая чепуха, — Сы Нань не мог сдержать улыбку и слезы одновременно. — Никто не заслуживает жить в беде, и никто не предназначен для страданий. Ты думаешь, почему я попросил тебя помочь мне в тот день? На улице полно бездомных, почему я не позвал кого-то другого?

Хуайшу замер. Сы Нань никогда не говорил ему этого. Он думал, что его просто случайно выбрали...

— Конечно, нет. Я не глупый наследник богатой семьи, который помогает никчемным людям, и не буду жалеть тех, кто уже стал мелким преступником.

Хуайшу понял. Он осознал, что их чистота и настойчивость привлекли внимание Сы Наня.

Сы Нань продолжил:

— Хуайшу, я помогаю вам, потому что вы этого достойны. Вы заслуживаете уважения, заслуживаете лучшей жизни, заслуживаете стать людьми с идеями, надеждами и будущим,

которые однажды смогут помочь другим.

Выражение лица Хуайшу оставалось неподвижным, но его глаза светились сложными эмоциями.

Голос Сы Наня изменился:

— Или ты хочешь прожить эти десятилетия в грязи, не зная, в какой день замерзнешь или умрешь от болезни под мостом, или станешь главарем банды и погибнешь в драке за территорию, или будешь пойман солдатами и умрешь на каторге?

— Нет, я не хочу, не хочу этого... — Хуайшу покачал головой.

— Не хочешь чего? — продолжил Сы Нань.

— Не хочу жить в грязи, не хочу стать злодеем, не хочу встретить своего отца на том свете с позором! — громко сказал Хуайшу.

Говоря это, он заплакал. Дети с мокрыми волосами, стоявшие у двери ванной, тоже заплакали. Их всхлипывания заполнили маленький дворик.

Это был первый раз, когда Сы Нань видел, как они плачут так открыто. Даже когда их обижали хулиганы, даже когда на них косо смотрели люди, даже когда они голодали и болели, свернувшись под мостом, они никогда так не плакали.

Глаза Сы Наня покраснели:

— Тогда не возвращайтесь в Уюдун, оставайтесь здесь и ждите моих распоряжений.

— Но Хуа Гуй...

— Кто он такой? — Сы Нань усмехнулся. — Один выстрел, и Сяо Сюань-Сюань его убьет.

Хуайшу был ошеломлен. Сяо Сюань-Сюань... Неужели это тот самый человек, о котором он думает?

— Даже если ты не веришь мне, ты должен верить Янь-цзюньвану, — Сы Нань посмотрел на крышу и слегка улыбнулся. — Он защитит нас, он уничтожит Хуа Гуя, и Уюдун, который существовал сотни лет, падет при нем.

Хуайшу был потрясен. Это действительно тот самый человек! Учитель-брат зовет Янь-

цзюньвана... Сяо Сюань-Сюань? Вдруг все, что касалось Хуа Гуя, перестало быть проблемой.

Хуайшу был убежден, и, немного ошеломленный, вошел в ванную.

Одновременно он чувствовал, что что-то изменилось. Неизвестно когда, но это изменение приведет к его превращению и неожиданному успеху.

В то утро дети были особенно активны, работали еще более усердно и внимательно, чем обычно. Они были очень осторожны, боясь испачкать свою новую чистую одежду.

Если бы Сы Нань не заставил их надеть одежду, они бы не решились ее носить.

Малыши подметали двор, рубили дрова, тренировались в боевых искусствах, а Сы Нань был занят на кухне. До начала торговли оставался один час, и нужно было приготовить основу для супа и нарезать овощи и мясо.

Во время варки супа Сы Нань открыл кувшин с хорошим вином, отложил в горшок два катти тушеного в соусе мяса и, когда дети не смотрели, бросил это на крышу.

Казалось, что крыша была пуста, но внезапно оттуда высунулась рука, которая точно поймала вино и мясо. Рука замерла на мгновение, как будто только что поняла, что была обнаружена.

Когда это произошло? Если об этом узнают братья, как ему смотреть им в лицо?

Сы Нань весело рассмеялся:

— Благодарю вас за труды. В шкафу есть вино и мясо, можете брать в любое время.

Тот человек долго колебался, но в конце концов нехотя сделал жест, указывая на то, что понял.

Сы Нань наконец заметил, что одежда того человека не была формой Императорской стражи, а скорее напоминала военную форму с характерными манжетами, как у Императорской гвардии.

Это был человек из резиденции цзюньвана. Из старой армии северо-запада.

Это был тот, кого прислал Сяо Сюань-Сюань для его защиты.

Сы Нань широко улыбнулся.

Он всегда знал.

— Учитель-брат, ты разговариваешь с хорьком? — раздался сзади мягкий голосок.

Сы Нань обернулся и увидел малыша с собранными в пучок волосами, наклонившего голову набок — это был ребенок, которого он откармливал и вырастил.

Малыш выглядел просто замечательно. Всего за полмесяца его щеки округлились, глаза стали большими и блестящими, полными жизни. Теперь, когда он был в новой одежде, на улице никто не мог бы подумать, что он когда-то был бездомным. Сы Нань даже подозревал, что малыша, возможно, похитили из какой-то образованной семьи.

— Там два хорька, — малыш указал на маленький деревянный ящик в углу.

Это был новый дом для двух маленьких горностаев. Квадратный ящик с деревянными опилками на дне, рядом стопка дров, а с одной стороны овальное отверстие.

Сы Нань «случайно» сделал этот ящик вчера вечером, когда строил кровать. Он настаивал на том, что это было «случайно» и отказывался признать, что согласился приютить «яичного вора». Он говорил, что позволяет им остаться только из-за самки, и как только она родит, они уйдут.

Но рано утром он обнаружил у двери три «платы за жилье», а черный горностаи пищал, напоминая ему об этом. Сы Нань выдержал это с улыбкой и тут же выкинул дохлых мышей в уборную.

С тех пор, как у него появились эти маленькие существа, в доме не было мышей, и ему больше не нужно было беспокоиться о безопасности продуктов.

— Это не хорьки, а горностаи, — он взял малыша за руку и вместе с ним присел возле ящика. — Смотри, один черный, другой белый, они такие пушистые, нравятся?

Малыш кивнул головой и мягко спросил:

— Их можно съесть?

Сы Нань: «...»

— Хочешь мясо горностаи? Пойду убью, — Хуайшу выглянул из дома.

Сы Нань: «...»

Дети, действительно, у нас сейчас нет проблем с мясом.

Это особенное и загруженное утро быстро подошло к концу, и ближе к полудню Сы Нань отправился на рынок на трехколесном велосипеде.

Сегодня оба трехколесных велосипеда были на ходу. Сы Нань ехал на новом велосипеде, подаренном императором. У него была цепь и педали, он выглядел как современная рикша, а в кузове были торговые принадлежности. Хуайшу, надев высокие деревянные ботинки, ехал на старом «самокате», отталкиваясь ногами, и велосипед мчался вперед.

В кузове сидели малыши, все с аккуратными прическами и в новой одежде, их глаза были полны света и надежды, хотя и немного робкие.

Их появление у моста привлекло внимание прохожих, торгующих и болтающих людей.

Торговец булочками воскликнул:

— О, господи! Сначала я их не узнал, как эти дети так изменились?

Сы Нань улыбнулся:

— Расскажи, что изменилось?

— Они помылись, их лица чистые, волосы уложены... А одежда? Она ведь новая, верно? Сразу видно, что хорошего качества.

Сы Нань кивнул, улыбаясь. На самом деле, самое большое изменение у детей было не во внешности, а в настроении. Теперь у них была надежда на будущее, и это добавляло им жизненных сил и уверенности.

Прилавок напротив занимала женщина, продающая гребни. Она редко разговаривала и почти всегда смотрела вниз, избегая зрительного контакта. Гребни и ленты для волос, которые Сы Нань купил для малыша, были у нее.

Сегодня она неожиданно заговорила первой:

— Молодой мастер Сы — добрый человек.

Сы Нань, продолжая работать, улыбнулся и ответил:

— Добрые дела всегда вознаграждаются, не так ли?

Женщина покачала головой:

— Не всегда. Добрые люди часто страдают, как и хорошие лошади. Эти прохожие, которых ты видишь, кто из них живет хорошо и является добрым?

Сы Нань на мгновение остановился, взглянул на нее и, улыбнувшись, сказал:

— Я — всего лишь мелкий торговец. Если я честен с собой и помогаю другим по мере своих сил, этого достаточно.

Женщина медленно разложила гребни и больше не говорила.

Торговец булочками подошел ближе и показал большой палец:

— Я думаю, что ты говоришь очень правильно, хотя... я не совсем понимаю.

Сы Нань слегка улыбнулся. Женщина, продающая гребни, поняла.

Сегодняшний день был не очень загруженным. Ни из «Ман Тин Фана», ни из восточного и западного вацзы не поступало заказов, и после того, как Хуайшу отвез десять порций в школу «И Син», он остался помогать на прилавке — рубить дрова и мыть посуду.

Дети не вернулись под мост и не бегали по округе, собирая дрова. Сы Нань попросил их не уходить далеко в течение нескольких дней, и они послушно оставались рядом с ним, не отходя ни на шаг.

Большая желтая собака бегала, виляя хвостом, а дети дразнили ее палочками. Редкая улыбка появилась на их лицах.

Вдруг кто-то поспешно засвистел, и на мгновение улица замерла. По длинной улице медленно шел человек в лунно-белом длинном ханьфу и с квадратной шапкой ученого на голове. Его лицо было чистым и приятным, манеры вежливыми и утонченными, он выглядел как ученый.

Но не совсем.

Хуайшу, увидев его, побледнел. Несколько малышей сразу же прекратили играть и робко спрятались за Хуайшу.

Сы Нань поднял бровь. Кто это?

Судя по их реакции, он даже страшнее, чем его Сяо Сюань-Сюань?

Приблизившись, Бай Е сначала улыбнулся, а потом сказал:

— Видимо, вы и есть тот самый господин Сы, который торгует горячими горшками?

Сы Нань слегка улыбнулся, его настроение не уступало:

— А вы, наверное, тот самый господин Бай, о котором постоянно говорит Хуайшу?

Бай Е слегка удивился, явно не ожидая, что Сы Нань сразу узнает его. Затем он снова улыбнулся:

— Интересно, что говорил обо мне Хуайшу? Не оставил ли я у вас плохое впечатление?

— Хвалил вас, — ответил Сы Нань с улыбкой.

Бай Е оглядел Хуайшу, его голос был мягким:

— Ну и хорошо.

Хуайшу покрылся потом. Ему нравился Бай Е, потому что тот был лучше Хуа Гуя. На самом деле, человек, контролирующий половину Уюдуна, не мог быть добрым. Он не боялся Хуа Гуя, потому что тот не имел над ним власти. Но Бай Е был его непосредственным начальником. Пока существует Уюдун, он не сможет полностью избавиться от контроля Бай Е.

— Давно не виделись, — Бай Е легко похлопал его по плечу веером.

Хуайшу натянуто поклонился:

— В последнее время у мастера Бая не было никаких распоряжений, так что я не смел беспокоить его.

Бай Е слегка улыбнулся:

— Не волнуйся, это всего лишь случайное замечание.

Хуайшу опустил голову еще ниже.

Сы Нань нахмурился. Он не хотел, чтобы ребенок, которого он защищал столько времени, был так напуган кем-то. Он поставил перед Бай Е стул и радушно сказал:

— Господин Бай, тут людно, присядьте пожалуйста.

— Спасибо, — Бай Е с доброй улыбкой сел.

— Пожалуйста, — Сы Нань продолжил работать, не уделяя Бай Е особого внимания.

Бай Е ничего не сказал, как обычный клиент заказал маленький горячий горшок, иногда задавал пару вопросов, вел себя вежливо и дружелюбно.

Когда горячий горшок был готов, он, как и дети, поставил чашку на каменный столб и спокойно поел. Затем вытер руки платком, заплатил и ушел. Перед уходом он случайно или намеренно взглянул на соседний прилавок с расческами и подошел к нему.

— Сестра, сколько стоит эта расческа?

Женщина на мгновение замялась, затем ответила:

— Которую вы имеете в виду?

Бай Е удивился:

— Цены разные?

Женщина сдержанно сказала:

— Материалы разные, работа разная, как цена может быть одинаковой?

— Понятно, — Бай Е слегка улыбнулся. — Есть ли у вас из персикового дерева?

Она бросила ему одну:

— Вот эта.

— Я возьму из персикового дерева, — тихо сказал Бай Е. — Для защиты от зла.

Этот, казалось бы, обычный разговор не привлек внимания окружающих. Но Сы Нань почувствовал что-то неладное и посмотрел на женщину. После ухода Бай Е женщина казалась немного взволнованной, но скрывала это. Если бы Сы Нань не обратил на это внимание, он бы не заметил.

Сы Нань решил упомянуть об этом Тан Сюаню.

□□***

Последние несколько дней атмосфера возле моста Чжоу была странной. У всех трех развлекательных заведений вдоль улицы было тихо, бездомные и хулиганы, обитавшие под мостом, тоже исчезли. Несколько торговцев пропали, включая женщину, продававшую гребни напротив ларьков с едой.

Торговец булочками подошел и таинственно сказал:

— Ты заметил что-то неладное? Грядут большие перемены!

Сы Нань сделал вид, что заинтересован:

— Расскажи, что за перемены?

Торговец булочками понизил голос:

— Бао-дажэнь из Управы Кайфэна разозлился, заявил, что собирается искоренить бандитов. Думаю, это правда. Видишь, месяц уже почти закончился, а никто не приходил за...

Он потер пальцами.

— Не только у нас здесь, мой односельчанин говорит, что на Императорской улице, на пристани Дунцзин и в храме Дасянго тоже никого нет, слышал, что всех главарей отозвали, чтобы готовиться к нападению на власти.

Торговец булочками покачал головой:

— Надеюсь, Бао-дажэнь окажется достаточно сильным, чтобы полностью уничтожить этот бандитский притон.

Торговец булочками надеялся на действия властей, а Сы Нань беспокоился о Тан Сюане. Тот говорил, что как бы ни был занят, всегда найдет время для встречи с Сы Нанем, и действительно приходил каждый день. Вчера он пришел, но так спешил, что не успел поесть горячий горшок и быстро ушел. Хотя он специально переоделся, Сы Нань заметил следы крови на его подошвах.

В Уюдуне сотни отчаянных преступников, и даже если их немногочисленные силы очень умелы, этого может не хватить. Все знали, что Тан Сюань мастерски владеет луком, что делает его хорошим стрелком. Но что, если бандиты воспользуются этим и заманят его в узкие переулки или глубокие пещеры?

Сы Нань все больше беспокоился.

Один из клиентов заказал рыбный горшок, но Сы Нань по ошибке приготовил баранину. Осознав это, он поспешил извиниться:

— Простите, я приготовлю вам рыбный горшок. Этот будет в подарок.

Клиент, видя его искреннее отношение, махнул рукой и ничего не сказал.

Сы Нань, потеряв спокойствие, потянулся за горячим горшком без перчаток.□

Чья-то рука, крепкая и сильная, ухватила его за запястье:

— Не боишься обжечься?

Сы Нань резко поднял голову:

— Ты...

Не ранен ли? Почему такие темные круги под глазами? Ты сильно устал?

Он хотел спросить многое, но вместо этого сказал:

— Все в порядке?

Тан Сюань опустил глаза, его взгляд был мрачен:

— Не очень.

Сы Нань почувствовал боль в сердце. Он ничего не сказал, лишь крепко сжал руку Тан Сюаня.

Сы Нань передал маленький горячий горшок клиенту, затем быстро свернул свой прилавок и отправился домой с Тан Сюанем.

Один ехал на трехколесном велосипеде, другой на лошади, и всю дорогу никто не проронил ни слова. Только когда они вошли во двор дома Сы Наня, Сы Нань повернулся и начал тщательно осматривать Тан Сюаня. К счастью, не было ни следов крови, ни видимых ран. Сы Нань вздохнул с облегчением.

Тан Сюань выглядел очень усталым.

Больше, чем усталость, беспокоили эмоции в его глазах.

С первой встречи этот человек был спокойным, уверенным, хотя и холодным и молчаливым. Эта уверенность и непринужденность были результатом долгих лет привилегированной жизни.

Сегодня он выглядел иначе.

Сы Нань не задавал вопросов, просто отослал его в ванную, чтобы он принял теплый душ. В этот раз он даже не сменил одежду, и на манжетах было много крови, испачкавшей его красивый красный наряд.

Тан Сюань послушно выполнял все указания: помыться, переодеться. К счастью, в прошлый раз он «случайно» оставил у Сы Наня пару комплектов одежды, так что сменная одежда была под рукой.

Пока Тан Сюань принимал душ, Сы Нань приготовил ему чашку лапши.

Тонко раскатанная лапша в бульоне с добавлением зелени, сверху яйцо пашот, несколько капель кунжутного масла и ложка рисового уксуса. Теплый пар скрывал выражение лица и смягчал чувства в сердце.

Тан Сюань ел лапшу молча.

Обычно в такой ситуации Сы Нань уже давно бы начал болтать обо всем на свете, но сегодня он был необычно тихим, просто сидел рядом. Дети оставались в доме и не мешали им.

Только когда чашка с лапшой опустела, Тан Сюань опустил глаза и медленно заговорил:

— Сегодня я убил людей, много людей. Я спас одного из товарищей, его руку отрубили бандиты, и горячая кровь брызнула на меня. Он только что женился, и он на два года младше меня.

Слушая его крики от боли, кровь в жилах Тана Сюаня закипела. Он натянул лук и убил тридцать человек, включая мальчика, который заманил их в узкий переулок. Тому мальчику было около десяти лет. Он выглядел слабым и безобидным, но внезапно изменил лицо и

отрубил руку товарищу Тан Сюаня. Этой рукой тот только что купил ему горячую паровую булочку.

Когда Тан Сюань выстрелил в него, он закрыл глаза.

Все говорят, что Янь-цзюньван может попасть в цель с любого расстояния, что его стрельба из лука непревзойденна. Но на самом деле он никогда раньше не убивал. Сегодня был его первый раз.

Настоящий выстрел в горло, кровь брызнула тут же.

Это было неприятное чувство.

Тан Сюань говорил медленно, отрывисто. Сы Нань внимательно слушал, не торопил его, не перебивал. Когда человек переживает такие изменения, любые утешения кажутся бесполезными.

Он просто раскрыл объятия и мягко сказал:

— Хочешь обняться?

Тан Сюань, как ребенок, кивнул:

— Хочу.

И Сы Нань обнял его.

<http://bllate.org/book/13604/1206343>